

Наши интервью

Комментарии свободны,
но факты священны...

Скотт Чарльз
Треступи,
журналист и
писатель

Академик Г.И. Марчук: «Чувствую себя МОЛОДЫМ»

К 85-летию со дня рождения

Гурий Иванович Марчук имеет солидный послужной список: вместе с Курчатовым и Доллежалем создавал атомное оружие, стоял у истоков нового класса подводных лодок с жидкометаллическим теплоносителем, аналога которым в мире до сих пор нет. Он был последним президентом Академии наук СССР, а уже после перестройки занялся глобальными проблемами – экологией, изменением климата и, что совсем уже удивило его коллег, медициной – генетикой и иммунологией. В свои 85 лет Гурий Иванович – почетный директор им же созданного Института вы-

Посещение Академгородка президентом АН СССР А.П. Александровым (третий справа). 1977

числительной математики РАН, член Президиума РАН, руководитель кафедры на факультете вычислительной математики МГУ. Несмотря на давно заслуженный отдых, он продолжает каждый день ходить на работу, читает лекции, ездит на конференции, пишет книги. Когда я, пытаюсь договориться об интервью, звонила ему домой, жена Ольга Николаевна отвечала: «Он еще не пришел с работы, звоните через час». Но его не было и через час, и через два. Академик вернулся только около девяти вечера, чтобы назавтра вновь быть на работе в девять утра.

– *Гурий Иванович, как вы оказались у истоков атомной энергетики?*

– Почти случайно. После окончания механико-математического факультета Ленинградского университета я работал в Геофиане (Московском геофизическом институте АН), где окончил аспирантуру и получил ученую степень кандидата физико-математических наук. Как-то зимой 1952 года к нашему институту подъехал черный автомобиль ЗИС, и из него вышел человек, который, как выяснилось, разыскивал меня. Этот человек пригласил меня проехаться с ним, а на мой вопрос, куда мы едем, кратко ответил: «Узнаете». Мы ехали около полутора часов мимо красивейших подмосковных лесов, пока не свернули от шоссе к какому-то секретному объекту, окруженному высоким забором. Преодолев несколько кордонов, через которые машину беспрепятственно пропустили, мы наконец очутились в административном здании и прошли

в просторный кабинет, хозяин которого – невзрачный лысый человек, не представившись, сообщил мне, что отныне я буду работать в лаборатории «В». Как потом выяснилось, именно так и называлась лаборатория по созданию водородной бомбы. В тот момент я был раздосадован и спросил: «А что будет, если я откажусь?» На что человек спокойно ответил: «Тогда вы отсюда не выйдете». Впоследствии я узнал, что лысый человек – это полковник госбезопасности, которому было поручено обеспечивать деятельность и охрану сверхсекретной лаборатории по созданию супероружия. Так началась моя многолетняя работа в Обнинске. Через три года лаборатория была переименована в Физико-энергетический институт Госкомитета СССР по использованию атомной энергии. Я стал руководителем математического отдела института.

– *А правда ли, что ваше имя было рассекречено благодаря Курчатovu?*

– Дело было так. Я написал монографию о теории ядерных реакторов. Книжка лежала в издательстве. И вот в моей квартире в Обнинске однажды вечером раздастся телефонный звонок. Беру трубку: Курчатov! «Гурий Иванович, не могли бы мы встретиться завтра утром в Институте атомной энергии?» (Курчатov тогда руководил этим институтом, сегодня носящим его имя.) Конечно, я согласился и приехал. Игорь Васильевич поприветствовал меня, провел в свой кабинет и сказал, что скоро начнется Вторая женеvская конференция и было бы хорошо в ее материалы от нашей стра-

В перерыве между заседаниями Президиума АН СССР. Беседа с А.Д. Сахаровым. 1989

ны включить мою книгу, с которой он, к моему удивлению, уже успел ознакомиться в рукописи. Я растерялся, поскольку знал, что книга выйдет в лучшем случае через полгода. Тогда Игорь Васильевич взял «кремлевский» телефон, набрал номер и сказал в трубку: «Алё, девочка, это ты? Надо, чтобы такая-то книжка вышла через месяц». Поговорив с таинственной «девочкой», он сообщил мне, что все в порядке. Я направился к выходу, но уже на пороге не выдержал и решил спросить, что же это за могущественная «девочка»? Курчатов засмеялся и пояснил, что «девочка» – это сокращение инициалов Дмитрия Васильевича Ефремова, крупнейшего физика-энергетика, члена-корреспондента Академии наук. Курчатов многим давал ласковые, шуточные, а может быть, и конфиденциальные прозвища. Так, академика Якова Борисовича Зельдовича он называл не иначе как Ябэ, а академика Юлия Борисовича Харитона – Юбэ.

– А вас?

– Может, и меня, но об этом история умалчивает. Книга была издана ровно через месяц, и ее получили в комплекте с нашими материалами все иностранные делегации конференции. После этого, действительно, мое имя стало известным.

– Как случилось, что вы стали заниматься атомными подводными лодками?

– После того как свою роль в проекте по расчетам водородной бомбы я выполнил, перед нами была поставлена новая, не менее важная задача – создать качественно новую атомную подводную

лодку-охотник с жидкометаллическим реактором. В 1952 году мы были пионерами в такого рода исследованиях. Эту задачу удалось решить: наши лодки научились развивать скорость до 70 км/с, что по тем временам было грандиозным достижением, и опускаться на глубину до километра. Это по сей день является общепризнанным рекордом, зафиксированным в книге Гиннеса, хотя мы никаких заявок не подавали. Произошло это по инициативе американцев. Лодки, двигатели которых были изготовлены по нашим расчетам, и по сей день остаются лучшими в мире. У американцев таких не было и нет.

– Вы хотите сказать, что по части подводных лодок мы и сегодня впереди планеты всей?

– Мы сделали восемь лодок с ядерными реакторами на жидком металле, аналога которым в мире по сей день не существует. Современная подводная лодка лежит на дне с заглушенным двигателем месяцами, а выскочить из засады и уничтожить целый флот она может в любой момент так, что никто даже не заметит.

– Гурий Иванович, но вы ведь понимали, что работаете над созданием смертоносного оружия. Как вы уговаривали себя это делать?

– Я понимал, что если мы не сделаем бомбу, начнется война. И она бы началась – войска уже стояли на Кубе. Уверен: военные действия не развернулись лишь потому, что мы уже обладали мощным оружием. Наши лодки тоже нужны были в первую очередь для того, чтобы обеспечить мир.

Три президента. Президент АН СССР А.П. Александров вручает Г.И. Марчуку Золотую медаль имени М.В. Келдыша. 1981

Как это ни парадоксально звучит, я делал оружие только с одной мыслью: чтобы избежать войны. Я говорил себе, как и во время Великой Отечественной, когда служил в артиллерийской разведке, что спасаю родину.

– Почему же вы перестали заниматься лодками?

– Я освоил это дело, как азбуку. Написал три книги, которые были изданы на многих языках. В этом деле я стал как оракул: ко мне приходили люди и спрашивали, как решить ту или иную проблему, и я, практически не задумываясь, отвечал. И я понял: если и дальше так пойдет, потеряю квалификацию. Самое страшное для ученого – перестать развиваться. И я стал мучиться: куда же податься? И тут из Новосибирска приехал академик С.Л. Соболев. Сказал, что начинается организация Сибирского отделения Академии наук, строится Академгородок, и там будет в том числе математический институт. Но с кадрами плохо. Надо их укреплять. Вот он и пригласил меня для того, что-

бы я возглавил этот институт и «укрепил кадры». Жена ахнула: какая Сибирь? Она только что закончила ремонт в нашей квартире, у нас подрастали три сына, все налаживалось... Но я решил съездить, посмотреть, что это за Академгородок. Когда я увидел строящийся проспект Науки, с которого открывалась перспектива возведения сразу 15 академических институтов, у меня от восторга перехватило дыхание. Я вернулся в Москву и все рассказал жене. Она сказала: «Ну, раз ты считаешь, что надо ехать, – поехали».

– Она у вас всегда такая послушная?

– В этом плане мне несказанно повезло. Ольга Николаевна училась вместе со мной в ЛГУ, но на радиохимическом факультете. Она могла бы и сама стать видным ученым, но сложилось иначе. В самом начале нашей совместной жизни она сказала: «Ты занимайся наукой, я – всем остальным, а результаты у нас будут общими».

– Ваша «сибирская ссылка» длилась с 1962 по 1980 год – 18 лет! Не жалели, что уехали из столицы?

– Никогда! В Сибири прошли наши лучшие годы. В 1962 году я возглавил Вычислительный центр СО АН СССР, который вскоре стал одним из крупнейших академических институтов. В то время я занимался уже не атомной энергией, а проблемами атмосферы, которые позже вылились в глобальные исследования по предсказанию погоды, катаклизмов и стихийных бедствий, крайне актуальные сегодня. Я считаю, что перспективы развития и потенциальные богатства нашей Сибири огромны. Эту землю я люблю до сих пор.

– А как вы стали президентом Академии наук СССР?

– Это произошло внезапно и совершенно для меня неожиданно. Зимой 1979 года буквально на следующий день после возвращения из отпуска у меня в кабинете раздался телефонный звонок. Президент АН СССР академик Александров просил срочно прилететь в Москву первым авиарейсом. На все мои вопросы ответил: «Когда прибудете, вас введу в курс дела». По дороге я пытался перебрать в голове все возможные варианты, но истинного положения дел даже предположить не мог...

В Москве мне был предложен пост заместителя председателя Совета Министров и председателя Государственного комитета по науке и технике. Нельзя сказать, чтобы я обрадовался. Из Новосибирска уезжать совсем не хотелось. М.А. Суслов, принявший меня в своем кабинете, на все мои возражения ответил: «На этом посту вы сможете больше сделать для Сибирского отделения». Я умолк...

А вскоре академик Александров ушел в отставку: его буквально подкосила чернобыльская трагедия. Президентом Академии стал я...

– Гурий Иванович, я знаю, что вы не любите рассказывать об этом периоде своей биографии.

– Это очень тяжелый период, связанный с трагическим для меня развалом СССР, попытками спасти рушащееся на глазах горнило нашей интеллектуальной мощи – Академию наук СССР, за судьбу которой, я был уверен, несую личную ответственность. Это была борьба, которую я в итоге вел в одиночку: никто из членов Академии меня не поддержал. Мою заключительную речь перед отставкой на общем собрании Академии наук позже назвали «реквиемом советской науке».

– О чем вы тогда говорили?

– Я говорил о том, что мы переживаем процесс разрушения нашего научного потенциала как целостной системы. Надежды на то, что можно спасти хотя бы одну часть этой системы, иллюзорны. Ведь наука – это живой организм, а не конгломерат автономных механизмов. Я говорил, что разрушение советской науки будет тяжелой потерей и для всего мирового научного сообщества – и мы можем сказать это без всякой самонадеянности и ложного мессианства. А концепции спасения отечественной науки нет ни у политиков, ни у научной общественности. Нет ее и сейчас...

– Вы считаете, что эти пессимистические прогнозы оправдались?

– Лучше бы я ошибся! Но моя речь во многом оказалась пророческой.

– Но ведь сегодня существуют государственные инновационные программы, на науку выделяются большие деньги...

– Недостаточные. Сегодня все только и говорят что о кризисе. Но на фоне кризиса Барак Обама поднял финансирование науки в два раза, а у нас – тоже в два раза, но сократили...

– Есть ли выход?

– Выход – только в инновациях, в инвестировании фундаментальной науки. Возьмем, например, проблемы атмосферы. Почему прогнозы погоды, которые мы слышим, часто неточны? Дело в том, что из 800 метеопунктов, следящих за атмосферой, 700 находятся в Северном полушарии. Их почти нет в Мировом океане, мало на некоторых континентах. Короче говоря, две трети поверхности Земли лишены метеонаблюдений. Сейчас эту проблему пытаются решить с помощью так называемой буйковой метеорологии, которая получила свое развитие, кстати, тоже благодаря математическому моделированию. А ведь метеорология – это не просто прогноз погоды на завтра. Это и предсказание разрушительных природных катаклизмов, штормов, цунами, а значит, и спасение многих человеческих жизней, предотвращение грандиозных разрушений. С годами

я понял важную вещь: решение глобальных проблем всегда требует усилий специалистов разных профилей и широкого международного сотрудничества.

– Как вообще вышло, что вы, специалист по атомной энергии, занялись проблемами атмосферы, а потом экологией и медициной?

– Расскажу забавный эпизод. К нам в Новосибирск из Москвы, из Института океанологии, прилетел профессор А.И. Фельзенбаум. Я попросил его сделать доклад и пригласил на семинар многих крупных специалистов в области физики атмосферы и гидродинамики. Московский гость рассказал о моделировании течений и в конце отметил, что проблема динамики океана очень сложна и даже специалистам не по плечу. Меня это несколько задело, и после семинара, дома, я отыскал только что вышедшую книгу моего друга, профессора Артема Саркисяна из Гидрофизического института АН Украины «Численный анализ и прогноз морских течений». За ночь я изучил ее досконально и нашел адекватную интерпретацию его теории. На другой день я снова собрал семинар, пригласив на него Фельзенбаума, и изложил свою интерпретацию модели океана на основе теории Саркисяна. Фельзенбаум был откровенно поражен: миф об особой сложности задач моделирования динамики океана развеялся.

Через какое-то время в нашем Вычислительном центре СО АН СССР была сформирована теория, которая сегодня признана всеми метеорологами.

– А медициной вы занялись тоже случайно?

– Его величество Случай, или, как кто-то скажет, судьба, очень многое, если не все определяет в жизни. Такой же «случай» подтолкнул меня заняться проблемой иммунологии всерьез, когда 30 лет назад после гриппа я заболел хронической пневмонией и вынужден был два раза в год ложиться в больницу. Причем врачи говорили, что вылечиться нельзя. Я начал изучать литературу по пульмонологии и иммунологии и обнаружил много противоречий между тем, что получается при математической обработке данных, и теми процессами, которые происходят в организме человека по представлению врачей. И вот я и мои ученики, которые только что закончили университет, начали развивать математическую иммунологию. Об ее эффективности можно судить по мне: я избавился от «неизлечимой» болезни. Кстати, механизмы такие же, как в атомной бомбе. Что бы ни происходило с человеком, его иммунная система работает одинаково: в организме идет своеобразная «цепная реакция», которая обеспечивает защиту от заболеваний. Нет, порошочками и укольчиками не вылечишь человека, нужно заботиться об его иммунной системе.

Встреча с Индирой Ганди. Дели, 1984

– *И что нужно делать, чтобы быть здоровым?*

– Все очень просто: нужно вести здоровый образ жизни, много ходить, дышать свежим воздухом, правильно питаться, не курить, легко относиться к трудностям, не лениться. Это упрощенно. А вообще я и мои ученики-математики в соавторстве с медиками издали множество книг по иммунологии. Вот у меня на столе одна из них – «Острые пневмонии: оценка тяжести, клиника и лечение», написанная в соавторстве с замечательным врачом, доктором медицинских наук Э.Б. Бербенцовой.

– *Гурий Иванович, как вы сами боретесь со старостью?*

– Я не чувствую себя старым. У меня много интересной работы, хорошие ученики, которые не дают мне скучать. Каждый день приносит новые задачи и открытия. Старым я чувствовал себя, когда являлся заместителем председателя Совета Министров, хотя по возрасту был одним из самых молодых.

– *Гурий Иванович, вы много ездили по свету. Правда ли, что с Индией у вас особые отношения?*

– Еще в начале 50-х, когда я работал в Обнинске, судьба впервые свела меня с Джавахарлалом Неру – первым председателем Совета министров Индии и его дочерью Индирой Ганди, молодой, красивой женщиной. Впоследствии мы стали настоящими друзьями. Я был уже членом правительства, когда Индира Ганди вновь приехала в Москву и мне было поручено сопровождать ее в поездке в Звездный городок. Оказалось, она хорошо пом-

нит нашу первую встречу, хотя прошло много лет, и юная красавица превратилась в убежденно сединами и наделенного высшими полномочиями премьер-министра страны. По дороге Индира с живым интересом расспрашивала меня о нашей жизни, о науке, откровенно рассказывала о своих детях и внуках, проблемах с невесткой – вдовой погибшего сына Санджая, поделилась воспоминаниями о том, как была в тюрьме и друзья ее спасали. Ей показалось интересным, что и у меня, и у нее три сына. Вечером мы посетили Большой театр, а назавтра улетели в Таллин. В салоне самолета я познакомился с Радживом Ганди, сыном Индиры. Мы тоже поговорили о жите-бытье. Оказалось, что Раджив очень любит авиацию и, налетав уже более миллиона километров, собирался посвятить этому делу всю свою жизнь. Но мать после гибели Санджая просила его не летать, и любовь к матери пересилила... Потом мы с женой не раз бывали в Индии, посещали Индиру и Раджива, а сотрудничество с индийскими учеными с годами тоже переросло в настоящую дружбу. До сих пор я вместе со своим коллегой С. Н. Рао, директором научного института имени Тато в Бангалоре, бывшим президентом Академии наук Индии, являюсь сопредседателем научного совета по долгосрочной комплексной программе Россия-Индия.

– *В советские годы была популярная песня «Марчук играет на гитаре, а море Братское поет». Что это за Марчук, вы не знаете?*

– Как не знать: это Пахмутова и Добронравов, когда были в Братске, увидели моего двоюродного брата Алексея Николаевича – талантливого человека, который строил Братскую ГЭС, а потом был главным инженером Усть-Илимской ГЭС. Он крупный специалист по плотинам, тоже доктор наук. Эта песня меня однажды выручила. Мы с семьей отдыхали в Пицунде, но пора было возвращаться в Новосибирск. Я пошел на вертолетную площадку, чтобы узнать, можно ли взять пять билетов на завтра до Адлера. Там сидел старый абхазец, который возмутился: «Ты с ума сошел, кацо, пять билетов на завтра нельзя, надо за две недели!» Я сказал, что приду завтра опять, потому что лететь очень надо, и попросил запомнить мою фамилию: Марчук. «А ты играешь на гитаре?» – «Нет, это песня про моего двоюродного брата». – «Что же ты сразу не сказал, кацо, хорошая песня, бери пять билетов!» И мы вернулись домой.

– Сильно ли отличаются помощник комбайнера из села Духовницкое, каким вы были еще до войны, и нынешний академик Гурий Иванович Марчук?

– Нисколько не отличаются. Я по-прежнему люблю приезжать к себе на Волгу, задираю штаны, залезаю на острова и рыбачу, как в юности.

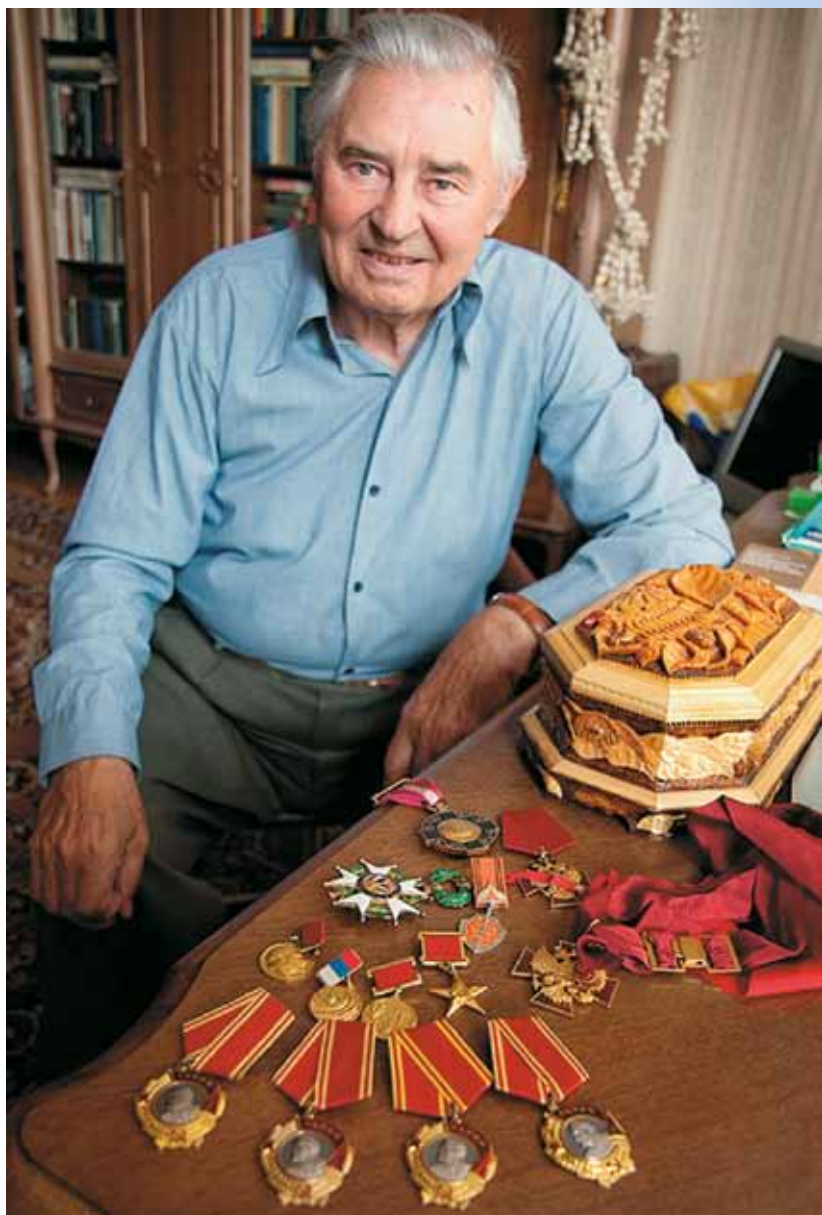
...Стен в рабочем кабинете Гурия Ивановича не видно: все они сплошь заставлены книжными полками. Это труды его, учеников, ученых коллег. Во время нашей беседы Марчук то и дело встает и устремляется к полкам: «Вот, сейчас я вам покажу книгу, где об этом написано»... Одну из книг – свою автобиографию – Гурий Иванович мне подарил. Полез в карман пиджака, чтобы достать ручку и подписать ее. Из кармана выпал конверт. «Это что такое?» – озадачился ученый. Оказывается, там – фотография Гурия Ивановича в полном параде: у него четыре ордена Ленина, орден «Знак Почета», значки Ленинской и Государственной премий, высшая награда Российской академии наук – Большая золотая медаль имени Ломоносова, Золотая медаль имени Келдыша... Словом, целый «иконостас». Однако в повседневной жизни на груди у академика – лишь один скромный значок. Интересно: «Кто это?» – «Академик М.А. Лаврентьев, крупнейший ученый и великий человек, которого я считаю своим покровителем в науке. Он возглавлял Сибирское отделение наук, когда я прибыл в Новосибирск». Другой «покровитель» – И.В. Курчатов. Его небольшой бюст, уменьшенная копия того, что стоит сегодня перед Курчатовским научным центром, украшает кабинет.

Все три сына Гурия Ивановича стали математиками, докторами наук. Александр – спе-

циалист по архитектуре вычислительных машин, Николай занимается дифференциальными уравнениями, Андрей моделирует цунами в океане. Когда я спросила, сколько у Марчуков внуков и правнуков, выдающийся математик сбился со счета. Начал считать по новой. Вышло десять.

«Увы, время неподвластно нам – так Гурий Иванович заканчивает свою книгу. – Оно летит с неумолимой быстротой, унося с собой наше прошлое, сохраняя наши надежды, нашу веру в будущее, которое должно быть лучше, чем день сегодняшний. Хочется верить в это! И я уверен, что Россия, обладающая огромным экономическим, научным и культурным потенциалом, в которой живут прекрасные люди, будет идти вперед, к единому геополитическому пространству».

Беседу вела Н.Л. Лескова

*Г.И. Марчук накануне юбилея. Москва, 2010.
Фото Андрея Афанасьева*